

Научная статья

УДК: 347.51

JEL: K36

DOI:10.17323/2072-8166.2024.3.133.161

Родители как «вторичные потерпевшие» в случае нанесения травмы ребенку

Максим Владимирович Кратенко

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9,
maxkrat@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6583-0588>

Аннотация

При причинении вреда здоровью в качестве потерпевшего (кредитора) традиционно рассматривается лишь сам пострадавший. Именно его закон наделяет правом на возмещение утраченного дохода, дополнительных расходов на лечение и уход. На практике многие родители пострадавших детей вместо обращения за профессиональными услугами к третьим лицам (сиделкам, психологам и пр.) сами осуществляют необходимый ребенку уход и реабилитацию на ежедневной основе, после чего предъявляют требование к делинквенту о возмещении убытков в виде утраченного заработка. В статье анализируются подходы российских и зарубежных судов к рассмотрению подобных исков, а также примеры прямого законодательного регулирования вопросов, связанных с оплатой безвозмездной помощи, оказываемой пострадавшему его близкими, или возмещением указанным лицам неполученного дохода. Сделан вывод о том, что родитель травмированного ребенка при определенных условиях вправе требовать возмещения неполученного заработка или стоимости осуществляемого лично ухода: необходимость постоянного ухода за ребенком ограничивает родителя в возможности осуществлять трудовую деятельность; ответчиком не доказана возможность обеспечения ребенку постороннего ухода за меньшую сумму и др. При этом стандарт доказывания вынужденного характера прекращения трудовой деятельности не должен быть слишком высоким; достаточно, чтобы соответствующее решение истца отвечало требованиям разумности и добросовестности. *De lege lata* требования родителей как вторичных потерпевших могут удовлетворяться со ссылкой на положения ст. 15, п. 1 ст. 1064 ГК РФ о полном возмещении вреда и ст. 1080 о праве регресса, либо положения ст. 1102 ГК РФ о взыскании неосновательного сбере-

жения. *De lege ferenda* целесообразно расширить понятие юридически значимого вреда в случае нанесения травмы физическому лицу, указав на возмещение убытков лицам, оказывающим пострадавшему необходимый уход на безвозмездной основе, и возможность их расчета через не полученный заработок.

Ключевые слова

инвалидность; юридически значимый вред; безвозмездный уход; утраченный доход; семейные связи; вторичный потерпевший.

Благодарности: статья опубликована в рамках проекта по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций в научных изданиях НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Кратенко М.В. Родители как «вторичные потерпевшие» в случае нанесения травмы ребенку // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 17. № 3. С. 133–161. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.3.133.161

Research article

Parents as ‘Secondary Victims’ in Case of Injury to a Child

Maksim V. Kratenko

Saint Petersburg State University, 7-9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg 199034, Russia,
maxkrat@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6583-0588>

Abstract

Only the injured person is traditionally considered a victim. It is he or she who is entitled by law to claim compensation for lost income, additional expenses for medical treatment and other care. However, in practice, many parents of disabled children, instead of seeking professional services from third parties (psychologists, carers, etc.), themselves provide daily care necessary for the child, after which they turn to the tortfeasor with a claim for compensation for lost income. The article analyses the approaches of Russian and foreign courts to the resolution of such claims, as well as examples of direct legal regulation of issues related to the payment of gratuitous care provided by relatives and friends. It is concluded that under certain conditions the parents of an injured child are entitled to claim compensation for lost income: the need for daily childcare limits the parent's ability to work; the defendant has not proved that it is possible to provide the child with the necessary care for less than the parent's lost income, etc. The standard of proof for involuntary termination of employment should not be too high; it is sufficient that the parent's decision meets the requirements of reasonableness and good faith. *De lege lata* the parents' claim may be satisfied with reference to the provisions of Article 15, Article 1064 of the Russian Civil Code on full compensation and Article 1081 on recourse, or the provisions of Article 1102 on recovery of unjust enrichment. *De lege ferenda* it is advisable to expand the concept of legally relevant damage in the case of personal injury, indicating the indemnification

of persons providing necessary care to the injured person on a gratuitous basis and the possibility of calculating the amount of indemnity through their lost income.

Keywords

disability; legally relevant damage; gratuitous care; lost income; family relationship; secondary victim.

Acknowledgments: the paper is published within the project of supporting the publications of the authors of Russian educational and research organizations in the Higher School of Economics academic publications.

For citation: Kratenko M.V. (2024) Parents as ‘Secondary Victims’ in Case of Injury to a Child. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 17, no. 3, pp. 133–161 (in Russ.) DOI:10.17323/2072-8166.2024.3.133.161

Введение

Количество детей-инвалидов растет из года в год. Эта неутешительная статистика характерна для многих государств, включая Россию. По данным Федерального реестра инвалидов на 31.12.2023 в России более 755 тыс. детей-инвалидов¹. Значительную долю из них составляют дети с так называемыми родовыми травмами. В широком смысле слова родовая травма (birth-related injury) означает любое травмирование ребенка до, в процессе или сразу после родов; в узком смысле термин используется для описания механических повреждений, полученных ребенком во время родов. Родовые травмы часто сопровождаются серьезными неврологическими нарушениями и другими патологиями [Van Vleet M.V., 2012: 159–160]. Наиболее типичным осложнением является детский церебральный паралич (далее — ДЦП), который значительно ограничивает возможности ребенка к самообслуживанию и самостоятельному развитию.

Специалисты отмечают, что системное взаимодействие родителей таких детей с профильными медицинскими и социальными службами отсутствует. Поддержка семьи сводится к периодическому медицинскому осмотру ребенка и консультированию². Более того, в трудной экономической ситуации, когда доходы многих семей падают, а цены на услуги платных специалистов по реабилитации растут, многие родители предпочитают самостоятельно оказывать ребенку

¹ Available at: URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pi_1.3.xlsx (дата обращения: 01.03.2024)

² См.: Чудо-навигатор 360 градусов: комплексная информационно-консультативная поддержка и маршрутизация семей с недоношенными детьми, в том числе с ДЦП. Available at: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=363866c5-2cbe-4615-9928-0e018dc3c6f5> (дата обращения: 01.03.2024)

необходимую помощь, отказываясь от продолжения трудовой или профессиональной деятельности и посвящая все свободное время ребенку с особенностями.

Хотя заболевание ДЦП у новорожденного может быть вызвано различными обстоятельствами, в немедицинских кругах распространено мнение, что основной причиной данной патологии является врачебная ошибка — отсутствие необходимых анализов и инструментальных исследований в ходе наблюдения за беременностью, выбор ошибочной тактики при родоразрешении. Например, в США на протяжении многих лет наблюдается рост судебных разбирательств дефектов акушерской помощи. Американские исследователи связывают этот кризис с мифом о том, что электронный мониторинг плода (Electronic fetal monitoring, EFM), т.е. контроль за сердцебиением ребенка может предсказать риск ДЦП и даже предотвратить его [Sartwelle T.P., 2020: 295–296]. Российские юристы с опытом медицинских споров также склонны связывать серьезные патологии у новорожденного с дефектами акушерско-гинекологической помощи. По словам медицинского юриста Е. Козьминых, «каждый диагноз ДЦП у новорожденного — это повод для судебного разбирательства, возможность взыскать с больницы компенсацию морального вреда здоровью ребенка и утраченного заработка, так как впоследствии мама будет вынуждена уйти на пенсию по уходу за ребенком-инвалидом»³.

На фоне ухудшения показателей перинатальной смертности⁴ растет количество гражданских исков к профильным медицинским учреждениям, прежде всего к родильным домам. Хуже того, врачи — акушеры-гинекологи становятся лидерами по частоте обвинения в совершении ятрогенных⁵ преступлений⁶. Превентивный эффект⁷

³ Available at: URL: <https://www.perm.kp.ru/daily/27254/4385685/> (дата обращения: 01.03.2024)

⁴ По данным Минздрава России в 2021 г. антенатально погибло 7807 плодов, в родах — 495 детей, в первую неделю жизни — 2610; смертность беременных и рожениц составила 573 женщины.

⁵ От др.-греч. *ιατρός* (врач) + *γενεά* (рождение), т.е. возникший в результате врачебных действий.

⁶ По статистике Российского центра судебно-медицинской экспертизы, из 3618 материалов уголовных дел, поступивших в центр на рассмотрение за период с 2012 по 2021 гг., 718 касались врачей акушеров-гинекологов (15,3%), на втором месте оказались врачи-инфекционисты (371 дело) и лишь на третьем месте хирурги (364). Available at: URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Centr-sudmedekspertizy-Minzdrava-raskryl-statistiku-po-ugolovnym-delam-pediatrov-i-akusherov.html> (дата обращения: 01.03.2024)

⁷ Имеется в виду повышение уровня безопасности акушерско-гинекологической помощи.

судебных решений по гражданским делам незначителен, поскольку в качестве ответчика выступает медицинское учреждение (а не врач, допустивший ошибку), чаще всего — бюджетное, по обязательствам которого субсидиарную ответственность несет его собственник (абз. 2 п. 5 ст. 123.22 Гражданского кодекса Российской Федерации; далее — ГК). В свою очередь многочисленные уголовные преследования акушеров-гинекологов способствуют негативному отношению к этой медицинской профессии⁸.

В судебной практике пока преобладают иски родителей к медицинским организациям о компенсации морального вреда. Судьи без труда рассматривают подобные споры, поскольку для присуждения компенсации достаточно установить отступления от медицинских стандартов, клинических рекомендаций. Постановления Верховного Суда Российской Федерации ориентируют нижестоящие суды на то, что любой недостаток медицинской услуги свидетельствует о нарушении права гражданина на охрану здоровья и может быть основанием взыскания компенсации морального вреда. Вопрос о влиянии недостатков на результат лечения, в данном случае — исход родов (состояние здоровья матери и ребенка) отходит на второй план. Иск может быть удовлетворен и если судебно-медицинским экспертом сделан вывод о лишь косвенной связи между выявленными недостатками и осложнениями, снижении шансов матери и новорожденного избежать осложнений. Характер связи серьезно влияет на размер присуждаемой компенсации.

Пациентка обратилась с иском к больнице о компенсации морального вреда, указывая, что из-за неверной акушерской тактики была нанесена травма ей и ее дочери, родившейся с серьезными патологиями. Ребенку диагностирован ДЦП, установлена инвалидность. Суд первой инстанции пришел к выводу, что дефекты медицинской помощи не оказали влияния на здоровье матери, равно как и не являлись причиной патологий у новорожденной. Тем не менее в пользу истицы была взыскана компенсация в размере 150 000 руб. Суд апелляционной инстанции пересмотрел указанное решение. На основании заключения повторной судебной-медицинской экспертизы судебная коллегия пришла к выводу, что врачами больницы была допущена тактическая ошибка — о проведении кесарева сечения на сроке беременности в 30 недель⁹, что значительно повышало

⁸ Результаты опросов обучающихся на магистерской программе «Медицинское и фармацевтическое право» в 2022–2024 годах (Санкт-Петербургский государственный университет, юридический факультет).

⁹ Врачи не использовали возможность консервативного лечения возникших у матери осложнений, т.е. пролонгирования беременности.

риски осложнений у ребенка в связи с его недоношенностью; размер компенсации был увеличен до 1,5 млн. руб.¹⁰

Однако взыскиваемые в пользу родителей и ребенка-инвалида суммы компенсации морального вреда даже при динамике их увеличения¹¹ несоразмерны с потерями и трудностями, с которыми сталкивается семья: ежедневный круглосуточный уход за ребенком вне зависимости от его возраста, регулярные лечебно-оздоровительные и развивающие занятия, поездки на лечение за границу и т.д.

Не удивительно, что родители, оставившие работу для самостоятельного ухода за ребенком, все чаще обращаются с исками к медицинским учреждениям о возмещении утраченного заработка. В этих спорах вопрос о причинной связи между ненадлежащим оказанием медицинской помощи и ухудшением здоровья потерпевшего (ребенка) приобретает принципиальное значение. Трудность заключается и в том, что нормы §2 гл. 59 ГК применительно к травмированию гражданина не указывают на возможность возмещения вреда кому-либо еще, кроме самого пострадавшего. В доктрине в качестве управомоченного лица при повреждении здоровья рассматривается, как правило, лишь сам пострадавший [Иоффе О.С., 2004: 796]; [Агibalова Е.Н., 2020: 202–203]. Поэтому судебная практика по данной категории исков не отличается единообразием.

Хотя фокус настоящего исследования направлен на случаи медицинского травмирования детей, сформулированные в заключении выводы могут иметь и более универсальное значение — для всех исков о возмещении вреда здоровью.

1. Иски родителей травмированного ребенка о возмещении утраченного заработка в России: поворот в судебной практике

Иски родителей травмированного ребенка к медицинскому учреждению о возмещении убытков в виде утраченного заработка

¹⁰ Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 04.05.2022 № 33-195/2022 по делу № 2-92/2020 // СПС КонсультантПлюс.

¹¹ См., напр.: апелляционное определение Забайкальского краевого суда от 12.08.2021 № 33-2400/2021 по делу № 2-29/2021 (по иску Шемелиных к ГУЗ «Улетовская ЦРБ»). В связи с ошибками при ведении родов, в пользу родителей и ребенка-инвалида взыскано в общей сложности 1,4 млн. руб. Апелляционной инстанцией общий размер компенсации увеличен до 4,5 млн. руб. Дело освещалось в СМИ. Available at: URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/apellyatsiya-vzyskala-s-bolnitsy-4-5-mln-rub-kompensatsii-moralnogo-vreda-za-defektnye-rody/> (дата обращения: 01.03.2024). Сумма компенсации, на первый взгляд, кажется значительной. Однако с учетом ожидаемой продолжительности жизни ребенка с ДЦП, в пересчете на месяц компенсация составит лишь 7500 руб., из расчета 4 500 000 / 50 лет / 12 мес.

встречались в судебной практике и раньше. Так, в п. 5 Обзора судебной практики Верховного Суда России за 2-й квартал 2002 года (утв. 17.07.2002) приводится следующий пример.

Вследствие неправильного диагноза и запоздалого лечения сын истицы ослеп на оба глаза и стал инвалидом. В целях ухода за сыном на дому истица уволилась с работы, а впоследствии обратилась с иском к медицинскому учреждению о возмещении утраченного заработка. Суд первой инстанции в иске отказал, сославшись на то, что истице выплачивается пенсия на содержание ребенка-инвалида. Суд также отметил, что §2 гл. 59 ГК не предусматривает возмещения подобных убытков в случае причинения вреда здоровью.

Президиум областного суда пересмотрел решение в пользу истицы, отметив, что ее увольнение с работы было вынужденным, поскольку ребенку в силу младенческого возраста был необходим не только медицинский, но и материнский уход на постоянной основе. Требование истицы было квалифицировано в качестве иска о возмещении убытков, полное возмещение которых предусмотрено ст. 15 ГК¹².

Эта позиция, приведенная Верховным Судом России в квартальном обзоре, не вызвала тогда доктринальных дискуссий. Напротив, пример цитировался в комментариях к ГК¹³ и в учебных пособиях по деликтному праву [Шевченко Г.Н., 2013: 110]. В 2002 году подобные иски родителей были экзотикой, что, вероятно, и объясняет их некритическое восприятие. Сходные ситуации упоминались и в литературе советского периода, однако их обсуждение в основном ограничивалось констатацией права матери или отца пострадавшего ребенка требовать возмещения дополнительных расходов, включая стоимость проездных билетов (для посещения врача и пр.) и утраченный заработок в дни сопровождения ребенка или ухода за ним [Шиминова М.Я., 1972: 75]. Высказывалось также мнение, что до достижения пострадавшим ребенком совершеннолетия или экономической самостоятельности «потерпевшими в гражданско-правовом смысле» являются его родители, которые вынуждены его содержать [Малеин Н.С., 1962: 16–17]. Однако детальному анализу исследуемая проблема не подвергалась¹⁴.

¹² Available at: URL: <http://xn--blazaj.xn--plai/2002/obzor-sudebnoy-praktiki-vs-rf/2002.07.17.html> (дата обращения: 01.03.2024)

¹³ См., напр.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая / под ред. А.П. Сергеева. М., 2010 (комментарий к ст. 1087).

¹⁴ Существует неопределенность в решении как минимум следующих вопросов: субъект, уполномоченный заявить требование о возмещении стоимости ухода,

В условиях стремительного роста количества медицинских споров подход судов к искам родителей травмированного ребенка изменился. Инвалидность ребенка из-за медицинской ошибки и постоянный уход за ним одного из родителей еще не предрешают вопроса о возмещении данному родителю заработка, который он имел в прошлом или мог быть определенно иметь в будущем при нормальном развитии событий. Показательным является следующее дело, в котором суды апелляционной и кассационной инстанций по-разному оценили одни и те же фактические обстоятельства.

Мать ребенка-инвалида обратилась с иском к межрайонной больнице о взыскании убытков в виде утраченного заработка за период с 2019 по 2021 гг., ссылаясь на то, что по вине ответчика ее новорожденный сын получил травму и нуждается в постоянном уходе. Истица ранее работала бухгалтером, после рождения ребенка с родовой травмой уволилась и не имеет возможности трудоустроиться. На уход за ребенком она получает социальную выплату в сумме 13 тыс. руб., которой явно недостаточно для достойного уровня жизни ее семье. Расчет утраченного заработка произведен исходя из средней заработной платы работников аналогичной специальности.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционной инстанцией, иск удовлетворен. Суды исходили из того, что ребенку истицы установлена третья группа способности к самообслуживанию и передвижению (нужда в постоянной посторонней помощи, полная зависимость от других лиц), истица не трудоустроена и фактически осуществляет уход за ребенком-инвалидом в возрасте до 18 лет. Указанные обстоятельства являются следствием ненадлежащего оказания ответчиком медицинской помощи. Доводы апелляционной жалобы ответчика: истица могла прибегнуть к услугам третьих лиц по уходу и продолжать трудовую деятельность, отклонены¹⁵.

Суд кассационной инстанции, напротив, согласился с ответчиком и отменил судебные акты по делу. Коллегия указала, что закон не предусматривает при травмировании ребенка возмещения заработка его родителю, не работающему по собственной инициативе. Истица, как следует из трудовой книжки, уволена по собственному желанию, при этом судами не установлена объективная невозможность продолжения ею трудовой деятельности, равно как и отсут-

оказываемого бесплатно; расчет стоимости ухода; срок давности для предъявления подобных требований.

¹⁵ Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 21.08.2023 № 33-10138/2023 по делу № 2-310/2023.

ствие возможности воспользоваться услугами третьих лиц. В деле отсутствуют доказательства того, что истица принимала меры к трудоустройству и ей было в этом отказано. Заботясь о здоровье ребенка, истица добровольно приняла решение не работать и ухаживать за ребенком, получая при этом социальное пособие¹⁶.

Подобная аргументация, в которой суд устанавливает высокий стандарт доказывания родителю, претендующему на возмещение утраченного заработка за время ухода за ребенком-инвалидом (вынужденный характер увольнения; невозможность последующего трудоустройства на условиях полной или частичной занятости; отсутствие возможности воспользоваться услугами третьих лиц для ухода за ребенком), встречается и в других судебных постановлениях¹⁷. Более того, в вышеприведенном примере суд поставил под сомнение право родителя права требовать возмещения каких-либо убытков¹⁸ в случае причинения вреда здоровью его ребенка. По мнению кассационной коллегии, в качестве единственного субъекта, уполномоченного на возмещение тех или иных потерь в контексте статей 1085 и 1087 ГК, законодатель видит лишь самого пострадавшего.

2. Предварительные аргументы в пользу наличия у родителя права требовать возмещения убытков

Как опровергнуть вышеприведенный тезис об отсутствии у родителя права на возмещение утраченного заработка в контексте ст. 1085, который фактически «наказывает» родителя за его выбор в пользу самостоятельного ухода за ребенком-инвалидом? Имеются по крайней мере следующие контраргументы.

¹⁶ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 23.01.2024 № 88-1627/2024.

¹⁷ См.: определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 01.12.2020 № 88-28326/2020 по делу № 2-224/2020 (Оставлено в силе решение суда первой инстанции об отказе в иске родителю ребенка-инвалида о взыскании убытков в виде утраченного заработка, поскольку истец уволен по собственному желанию, не доказал невозможность трудоустройства, является получателем социального пособия на ребенка-инвалида); апелляционное определение Суда Ханты-Мансийского округа—Югры от 21.11.2017 № 33-8492/2017 (Иск к больнице о возмещении дополнительных расходов на лечение ребенка-инвалида и убытков в виде утраченного заработка удовлетворен лишь в части расходов на лечение, поскольку истец не доказал, что единственным разумным способом обеспечения ухода за ребенком было прекращение трудовых отношений) // СПС Консультант Плюс.

¹⁸ Действуя при этом в своих интересах.

Во-первых, в рамках категории медицинских споров формируется практика, согласно которой при причинении вреда здоровью пациента вследствие некачественного лечения требование о компенсации морального вреда может быть заявлено не только самим пациентом, но и членами его семьи или родственниками, которые осуществляют за ним уход¹⁹. Суды исходят из того, что неправильное лечение создает угрозу личным (семейным) связям между близкими²⁰. В данном случае члены семьи и родственники пациента рассматриваются в качестве самостоятельных потерпевших.

Но если интерес в сохранении личных (семейных) связей заслуживает правовой защиты²¹, почему защита ограничивается компенсацией морального вреда, но не охватывает имущественные потери семьи? Пример с утраченным заработком родителя, осуществляющим уход за травмированным ребенком, — это лишь часть большой проблемы экономической оценки семейных связей. В литературе есть мнение в пользу широкой трактовки вреда личности, предлагается включать в него «родительский ущерб», т.е. утрату родителями в случае смерти ребенка возможного финансового содержания в будущем [Фаст И.А., 2020: 54–55].

Во-вторых, суды апеллируют к тому, что самому родителю вред здоровью не причинен, трудоспособность не утрачена, поэтому он не может рассматриваться в качестве потерпевшего в контексте ст. 1085. С этим трудно спорить, если не выходить за рамки указанного контекста. Однако с позиции ст. 15 и 1064 ГК о полном возмещении всех причиненных убытков этот тезис уже не выглядит бесспорным. Поведение родителей или других близких, которые стараются быть рядом с пострадавшим и оказать ему необходимую помощь, даже в решении бытовых вопросов, вполне разумно, закономерно и даже ожидаемо в современном обществе. В зарубежной судебной практике немало примеров, когда суд удовлетворял иски родственников пострадавшего о возмещении транспортных и иных

¹⁹ См., напр.: апелляционное определение Красноярского краевого суда от 01.03.2021 № 33-2566/2021 по делу № 2-958/2020 (Удовлетворено требование сестры пациента к медицинскому учреждению о компенсации морального вреда) // СПС КонсультантПлюс.

²⁰ См.: абз. 3 п. 1 и п. 49 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда». См. также: определение Верховного Суда РФ № 56-КГПР19-7 от 08.07.2019 (Другой контекст, но сходная логика обоснования права близких пострадавшего на компенсацию морального вреда) // СПС Консультант Плюс.

²¹ Материнство и детство, а также семья являются конституционно значимыми ценностями (ст. 38 Конституции Российской Федерации).

расходов, понесенных в связи с необходимостью срочного приезда и ухода за пострадавшим. Главное, чтобы эти расходы отвечали критериям разумности и причинной связи [Oda]Н., 2009: 189].

В-третьих, суды упрекают родителей ребенка-инвалида в том, что они не воспользовались услугами иных лиц для постороннего ухода, после чего могли бы потребовать (в интересах ребенка) возмещения расходов делинквентом, т.е. медицинской организацией. Однако и этому есть разумное объяснение. Стоимость профессиональных услуг по уходу за ребенком-инвалидом, не способным к самообслуживанию, зачастую превышает средний заработок одного, а то и обоих родителей. Родитель, который принимает решение оставить работу и осуществлять уход за ребенком, фактически уменьшает бремя делинквента²². Важно лишь, что в связи с медицинской травмой установлена нуждаемость ребенка-инвалида в постоянном постороннем уходе или реабилитационных процедурах и, соответственно, его право на возмещение дополнительных расходов (п. 1 ст. 1085 ГК). Безусловно, возможны противоположные ситуации, когда родитель увольняется с высокооплачиваемой должности для ухода за ребенком-инвалидом. В таких случаях ответчик вправе доказывать, что решение родителя не отвечает требованиям экономической целесообразности, а потеря им заработка не является необходимой в смысле, определенном в п. 2 ст. 15 ГК.

В-четвертых, аналогичные иски о взыскании утраченного заработка заявляются родителями пострадавшего ребенка и вне медицинского контекста (в связи с ДТП, ненадлежащим оказанием образовательных услуг), при этом судебные решения не отличаются единообразием. Так, судом был удовлетворен иск матери ребенка, получившего травму в развлекательном центре, о взыскании убытков; взыскана неполученная заработная плата за 6 месяцев, в течение которых истица осуществляла уход за ребенком и вынуждено оформила отпуск без содержания²³. В другом деле мать ребенка, пострадавшего в ДТП и ставшего инвалидом, обратилась с иском к виновнику о возмещении утраченного заработка, мотивируя его тем, что в связи с назначением ее опекуном в отношении недееспособной дочери она была вынуждена прекратить трудовые отношения и осуществлять ежедневный уход за ребенком-инвалидом. Указанное

²² Гипотетически можно говорить, что при специальном уходе родителей за ребенком-инвалидом (в объеме, превышающем уход обычно необходимый здоровому ребенку) на стороне делинквента образуется неосновательное сбережение.

²³ См.: определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 03.12.2020 № 88-8653/2020 по делу № 2-2209/2019 // СПС Консультант Плюс.

требование также было удовлетворено²⁴. Ни в одном из перечисленных случаев у суда не возникло сомнений в праве родителя требовать возмещения причиненных убытков в связи с травмированием его ребенка²⁵. Обилие положительных решений свидетельствует о том, что исследуемые иски не из категории несерьезных, в них есть рациональное зерно и социальная справедливость.

В судебных решениях по искам родителей о возмещении утраченного заработка можно встретить и другие контраргументы, в частности: об обязанности родителей в силу закона заботиться о ребенке; о государственных мерах социальной поддержки лиц с инвалидностью и тех, кто осуществляет за ними постоянный уход²⁶. Эти доводы не исключают в принципе права родителя требовать возмещения убытков, хотя, вероятно, могут быть учтены при определении размера возмещения.

3. Подход стран общего права к возмещению убытков лицам, осуществляющим уход за пострадавшим на добровольных началах

Для стран общего права характерно широкое понимание вреда и убытков (*damages*), поэтому иски родителей о возмещении утраченного заработка не отклоняются по одним лишь формальным соображениям. Судья оценивает всю совокупность обстоятельств, которые могли оправдывать выбор родителя в пользу самостоятельного ухода за пострадавшим ребенком.

²⁴ Апелляционное определение Суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 20.11.2018 № 33-7775/2018 // СПС Консультант Плюс.

²⁵ Однако встречается и противоположный подход. Суд первой инстанции удовлетворил иск родителя, ребенок которого получил травму в детском саду, о возмещении утраченного заработка за время ухода за ребенком после окончания лечения в больнице. Апелляционной инстанцией решение отменено со ссылкой на то, что сам родитель не утратил трудоспособность, поэтому по смыслу ст. 1085 ГК РФ не может требовать возмещения утраченного заработка. См.: апелляционное определение Верховного Суда Республики Татарстан от 09.04.2015 № 33-5003/2016 // СПС Консультант Плюс.

²⁶ Для справки. Ежемесячное пособие по уходу за ребенком-инвалидом лицу, которое не может выйти на работу, поскольку ухаживает за ребенком-инвалидом, составляет: 10 000 руб. — если уход осуществляет один из родителей (усыновитель, опекун или попечитель); 1200 руб. — если за ребенком-инвалидом ухаживает иное лицо. Размер пособия утвержден указом Президента РФ от 26.02.2013 № 175 «О ежемесячных выплатах лицам, осуществляющим уход за детьми-инвалидами и инвалидами с детства I группы».

Суд канадской провинции Альберта рассматривал дело *A.T.-B. v. Mah* (2012)²⁷. Истица А.Т.-В. предъявила иск к акушеру-гинекологу (*Dr. Mah*) о возмещении ущерба в сумме 15 млн. кан. долл., причиненного в связи с ошибками на стадии ведения беременности и принятия родов. В результате медицинской небрежности (в 2001 г.) истица получила серьезную неврологическую травму при рождении: ей потребуется постоянный, в течение всей жизни, поминутный уход других лиц; она никогда не сможет трудиться, вступить в брак и завести детей, имеет крайне ограниченные способности к обучению и интеллектуальному развитию.

Мать истицы (Т.-В.) предъявила самостоятельное требование к ответчику о возмещении экономического ущерба, ссылаясь на то, что занята постоянным уходом за дочерью с 2001 г. и до настоящего времени. Имея степень бакалавра психологии, она намеревалась продолжить обучение и получить докторскую степень, после чего открыть частную практику. Утраченный по вине ответчика доход определен в сумме 276 тыс. долл., из расчета предполагаемой даты окончания обучения и средней оплаты услуг платного психолога. Ответчик возражал, полагая, что требование второго истца носит спекулятивный (вероятностный) характер, поскольку достоверно неизвестно, какой была бы его занятость в случае рождения здорового ребенка. Суд удовлетворил требование Т.-В. в пределах 120 тыс. долл., ограничившись периодом с 2011 г., и исходил из того, что применительно к полной семье, в которой работают оба родителя, маловероятно, что Т.-В. в период обучения с 2006 по 2010 гг. продолжала бы трудиться. Вместе с тем, отклоняя доводы ответчика о целесообразности обращения родителей за профессиональными услугами по уходу, суд указал, что оба родителя по образованию являются психологами и их уход за ребенком-инвалидом — оптимальное решение данной жизненной ситуации. Кроме того, ответчик не доказал, что стоимость услуг третьих лиц по уходу за ребенком была бы меньшей, чем утраченный Т.-В. предполагаемый заработок.

Есть и примеры законодательного регулирования вопросов возмещения вреда/убытков в случае травмирования близких. Например, в другой канадской провинции — Онтарио с 1986 года действует Закон о семейном праве (*Family Law Act*²⁸; *FLA*). Часть 5 Закона (“*Dependents’ claim for damages*”) посвящена деликтным обязатель-

²⁷ *A.T.-B. v. Mah*, 2012 ABQB 777 (CanLII). Available at: <https://canlii.ca/t/fwkxc> (дата обращения: 01.03.2024)

²⁸ Available at: <https://www.canlii.org/en/on/laws/stat/rso-1990-c-f3/181487/rso-1990-c-f3.html> (дата обращения: 01.03.2024)

ствам, возникающим в связи с причинением вреда жизни или здоровью члена семьи.

По ст. 61 FLA потерпевший, а в случае причинения смерти — члены его семьи (включая супруга, детей, родителей, внуков, бабушек и дедушек, братьев и сестер) вправе требовать от причинителя вреда возмещения убытков (rescuiary loss), вызванных соответствующими противоправными действиями. Убытки включают следующие потери:

расходы на лечение пострадавшего, в том числе умершего впоследствии;

расходы на погребение и ритуальные услуги;

разумные транспортные расходы, понесенные истцом с целью посещения пострадавшего в период его лечения или реабилитации;

в тех случаях, когда вследствие причинения травмы члену семьи истец осуществляет за ним уход, ведет его домашнее хозяйство или оказывает иные услуги, разумную компенсацию за утраченный истцом доход в указанный период или стоимость оказываемых услуг;

разумную компенсацию заботы, обучения или совместной деятельности, на которую мог бы рассчитывать истец, если бы члену его семьи не было причинено увечье или смерть.

Законодатель Онтарио исходит из широкого понятия о семье. В комментариях юристов приводятся примеры, когда вышеизложенные нормы применяются в отношениях между сожителями (без регистрации брака), а также в отношениях между лицами, хотя и не связанными родством, но фактически проживающими одной семьей²⁹. Удивляет (в хорошем смысле слова) и состав возмещаемых убытков. Помимо привычного взыскания расходов на лечение потерпевшего или его погребение также могут быть возмещены иные экономические потери членов семьи при условии, что они связаны с полученной потерпевшим травмой и не выходят за разумные рамки. Требование о возмещении убытков может быть заявлено соответствующим членом семьи (который их понес) или несколькими членами семьи потерпевшего одновременно. В последнем случае допускается взыскание с ответчика единой суммы компенсации без распределения в долях между истцами (ст. 62 FLA).

Еще более детально, хотя и не столь удачно урегулированы вопросы возмещения стоимости ухода за потерпевшим в Законе Австралии о гражданской ответственности (Civil Liability Act 2002³⁰,

²⁹ Available at: <https://mackesysmye.com/personal-injury-law-family/> (дата обращения: 01.03.2024)

³⁰ Available at: https://www8.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/legis/wa/consol_act/ccla2002161/s12.html (дата обращения: 01.03.2024)

CLA). Часть вторая Закона посвящена отдельным аспектам возмещения вреда, причиненного личности, включая компенсацию оказываемых потерпевшему бесплатных услуг по уходу и присмотру (*gratuitous care*). Это могут быть услуги широкого спектра: помощь по дому; уход за больным; услуги, направленные на смягчение последствий травмы (§15-1). Для возмещения стоимости подобных услуг необходима совокупность условий: 1) разумная потребность в соответствующих услугах; 2) потребность в услугах возникла исключительно вследствие нанесенной потерпевшему травмы; 3) в отсутствие травмы потерпевшему не оказывались бы соответствующие услуги и уход (§15-2). Кроме того, законодатель вводит минимальный порог, по достижении которого услуги по уходу подлежат компенсации: если уход за потерпевшим осуществляется не менее 6 часов в неделю и на протяжении не менее чем 6 последовательных месяцев (§15-3). Компенсация рассчитывается исходя из средней недельной ставки³¹ заработной платы, либо средней часовой ставки — в зависимости от того, превышает ли продолжительность ухода 40 часов в неделю или нет (§ 15-4).

В заслугу австралийскому законодателю следует поставить, что он признает имеющим экономическую ценность и подлежащим компенсации не только специальный уход за потерпевшим (по медицинским показаниям), но и иного рода помощь, которую могут оказывать потерпевшему члены его семьи. Однако в отличие от канадского FLA речь идет только о разумной компенсации стоимости ухода, но не о возмещении членам семьи утраченного заработка. Соответственно в качестве материального истца по требованиям о возмещении стоимости ухода и присмотра выступает либо сам пострадавший, либо управляющий его трастовым фондом³².

По мнению австралийских ученых, в схеме есть доля абсурда. С одной стороны, Закон говорит о возмещении убытков лицу, осуществляющему уход (*carer, caregiver*). С другой стороны, именно пострадавший или управляющий его трастовым фондом решают, взыскивать ли с делинквента стоимость ухода и передавать ли полученные денежные средства лицу, осуществляющему уход из альтруистских побуждений [Mendelson D., 2005: 411]. Смущает и обилие количественных параметров, при соблюдении которых возможна выплата компенсации за заботу. Многие близкие, оказывая помощь пострадавшему, делают

³¹ На основании данных Комитета статистики Австралии.

³² Фонд создается в целях аккумулирования средств для ухода за пострадавшим и оказания ему иной необходимой помощи, оплаты соответствующих услуг третьих лиц.

это от чистого сердца и не всегда заботятся о фиксации продолжительности ежедневного или еженедельного ухода³³.

У британских юристов нет сомнений, что экономические потери близких (secondary victims), оказывающих бесплатную помощь пострадавшему (primary victim), подлежат возмещению. Дискуссии сосредоточены лишь вокруг двух вопросов: следует ли предоставлять этим вторичным потерпевшим право прямого иска в отношении делинквента; каким образом рассчитывать их потери — исходя из утраченного ими дохода или из средней рыночной стоимости услуг ухода³⁴. Комиссия реформирования законодательства Англии и Уэльса в докладе от 02.11.1999 попыталась найти компромисс по первому вопросу. Забрав идею прямого иска к делинквенту, равно как и схему оплаты услуг через трастовый фонд, Комиссия предложила исходить из наличия у пострадавшего личного обязательства (personal legal obligation) возместить родственникам или друзьям убытки, связанные с осуществлением ухода³⁵. Расчет убытков, по мнению членов Комиссии, можно осуществлять любым из перечисленных выше способов. Взыскание убытков исходя из суммы утраченного заработка не исключается даже если этот заработок превышает среднюю рыночную стоимость услуг по уходу³⁶. Впрочем, судебная практика в данной части остается противоречивой [Markesinis B. et al., 2005: 132].

В Индии отсутствует специальное правовое регулирование обозначенного вопроса, но в судебной практике распространены иски о возмещении убытков, связанных с невозможностью пострадавшего вносить полезный вклад в семейную жизнь (loss of services to family). В деле *Abdulkader v. Kashinath* (1968) суд признал право мужа требовать возмещения расходов на домашнюю прислугу на время лечения жены, пострадавшей в ДТП. В деле *Mehmet v. Perry* (1978) был удовлетворен иск отца о возмещении убытков в виде утраченно-

³³ Luke Ingham-Myers. Compensation for gratuitous care in personal injury claims. Available at: <https://www.imlawyers.com.au/blog/gratuitous-care/> (дата обращения: 01.03.2024)

³⁴ См.: Damages for Personal Injury: Medical, Nursing and Other Expenses. Report (1996), pp. 55-60. Available at: https://cloud-platform-e218f50a4812967ba1215eaccede923f.s3.amazonaws.com/uploads/sites/30/2015/03/cp144_Damages_Personal_Injury_Medical_Nursing_Consultation.pdf (дата обращения: 01.03.2024)

³⁵ См.: Damages for Personal Injury: Medical, Nursing and Other Expenses; Collateral Benefits. Law COM № 262 (1999), pp. 48-49. Available at: https://cloud-platform-e218f50a4812967ba1215eaccede923f.s3.amazonaws.com/uploads/sites/30/2015/03/lc262_Damages_Personal_Injury_Medical_Nursing_Collateral_Benefits.pdf (дата обращения: 01.03.2024)

³⁶ Ibid. P. 56.

го заработка за период ухода за больным ребенком, поскольку мать ребенка получила травму и не могла заниматься семейными делами [Kotiswaran P., 2021: 46–47].

Понятия *gratuitous care* и *loss of services to family*, используемые в исках о возмещении вреда личности, имеют безусловный научный интерес и требуют детального анализа. Мысль о том, что помощь членов семьи может иметь денежный эквивалент, вызывает скепсис у российских судей³⁷ и не только у них, и преодолеть этот стереотип будет трудно.

4. Возмещение вреда личности в континентальном праве: генеральный деликт и юридически значимый вред

Для континентальной Европы характерно, с одной стороны, сближение гражданского законодательства за счет директив Европарламента и разрабатываемых учеными модельных актов частного права, с другой стороны, сохранение национальных особенностей в отдельных сферах регулирования, в том числе применительно к обязательствам из причинения вреда. Если в Французском Гражданском кодексе Наполеона (далее — ФГК) получил закрепление принцип генерального деликта, позволяющий обеспечить потерпевшим выплату компенсаций в широком спектре ситуаций, то разработчики Германского гражданского уложения (далее — ГГУ, BGB), напротив, исходили из ограниченного действия норм деликтного права и предусмотрели основания привлечения к деликтной ответственности (§ 823 (1), § 823 (2) и § 826) [Егорова М.А., 2017: 75]. Это накладывает отпечаток и на рассмотрение споров о возмещении убытков лицам, осуществляющим безвозмездный уход за пострадавшим.

4.1. Модельные акты европейского частного права (PETL, DCFR)

Имеет смысл обратиться в первую очередь к Принципам европейского деликтного права (далее — PETL, 2005³⁸) и Модельным прави-

³⁷ См., напр.: апелляционное определение Суда Ханты-Мансийского округа—Югра от 31.05.2016 № 33-4074/2016 (Потерпевшему отказано в иске о возмещении расходов на посторонний уход, поскольку соответствующие услуги по договору оказывала ему супруга. Судебная коллегия разъяснила, что в силу ст. 31 Семейного кодекса РФ супруги строят отношения в семье на основе взаимопомощи, уход за больным супругом — это не более чем супружеский долг) // СПС Консультант Плюс.

³⁸ Available at: <http://egtl.org/docs/PETL.pdf> (дата обращения: 01.03.2024)

лам частного права (далее — DCFR, 2008³⁹). На фоне особенностей национального законодательства⁴⁰ и неоднородной судебной практики⁴¹ модельные акты являются показателями тенденции в развитии законодательства о деликтной ответственности.

Ключевым в PETL является понятие возмещаемого вреда (*recoverable damage*), который определяется как вред материального или нематериального свойства, причиненный охраняемым законом интересам (ст. 2:101). Объем защиты интереса зависит от его природы; чем выше его ценность, точность определения и очевидность, тем более широкой является его защита. К наиболее очевидным и охраняемым в максимальной степени отнесены: жизнь, физическое и психическое здоровье, достоинство и свобода, имущественные права (пункты 2 и 3 ст. 2:102). Защита чисто экономических интересов, напротив, может быть ограничена по объему; тогда необходимо выяснять, насколько тесна связь между делинквентом и предполагаемым потерпевшим, и осознавал ли делинквент возможность причинения соответствующего вреда (п. 4 ст. 2:102). В разделе 2 главы 10 PETL уточняется состав возмещаемых убытков. При нанесении травмы пострадавшему возмещаются фактически утраченный доход, снижение трудоспособности и разумные расходы, в частности, на медицинский уход. В случае причинения смерти члены семьи погибшего и приравненным к ним лица вправе требовать возмещения утраченного содержания (п. 1, 2 ст. 10: 202).

Сходный подход применен в DCFR, авторы которого используют в книге VI, посвященной внедоговорной ответственности, термин «юридически значимый вред» (*legally relevant damage*) для уточнения случаев наступления данной ответственности. Вред, имущественного или неимущественного характера, является юридически значимым, если: (a) это прямо предусмотрено соответствующей главой DCFR; (b) ущерб или травма⁴² возникли вследствие нарушения права, предусмотренного законом; (c) ущерб или травма возникли

³⁹ Available at: <https://sakig.pl/wp-content/uploads/2019/01/dcfcr.pdf> (дата обращения: 01.03.2024)

⁴⁰ Например, во Франции действие деликтного права в многих сферах общественной жизни «вытеснено» мерами социальной поддержки травмированных граждан, компенсационными фондами, обязательным и добровольным страхованием ответственности [Егорова М.А., 2017: 367—368].

⁴¹ В судебной практике стоимость ухода за пострадавшим рассматривается и как экономический ущерб (Франция, Германия), и как составная часть компенсации за моральный вред (Италия). Available at: <https://www.genre.com/content/dam/generalreinsuranceprogram/documents/cfpc22-1-en.pdf.coredownload.inline.pdf> (дата обращения: 01.03.2024)

⁴² Имеется в виду причинение смерти или вреда здоровью.

вследствие нарушения интереса, подлежащего правовой защите (ст. VI.-2:101). Для случаев (b) и (c) сделана оговорка: вред будет рассматриваться в качестве юридически значимого при условии, если право на его возмещение будет справедливым и разумным. Применительно к травме физического лица указывается на возможность возмещения расходов на медицинское обслуживание, в том числе разумных расходов на уход за потерпевшим, понесенных его близкими (п. 2 ст. VI.-2: 201). В случае же смерти члены семьи и близкие погибшего вправе требовать возмещения следующих убытков: разумные расходы на погребение; утраченное содержание, которое могли получать от умершего (п. 2 ст. VI. -2: 202).

Таким образом, ни PETL, ни DCFR прямо не упоминают право членов семьи травмированного гражданина требовать возмещения убытков в виде утраченного заработка за время ухода. Означает ли это, что подобные экономические потери близких не относятся к юридически значимому вреду и не подлежат возмещению?

В комментариях к DCFR указано, что их составители намеренно ограничили основания деликтной ответственности и допустили возможность возмещения чисто экономического ущерба (*pure economic loss*) лишь в некоторых ситуациях, например, в случае неверного профессионального совета или заключения, при неправомерном вмешательстве в профессиональную или торговую деятельность (ст. VI.-2: 207, 208). Этот ограничительный подход нередко подвергается критике как не учитывающий принцип генерального деликта и не обеспечивающий деликтному праву необходимую гибкость [Larouche P., 2008: 24–26].

С другой стороны, положения п. 4 ст. 2: 102 PETL не исключают априори возможности возмещения чисто экономического ущерба, а лишь указывают на необходимость более тщательной оценки обстоятельств, в том числе взаимосвязи между поведением делинквента и потерями предполагаемого потерпевшего, предвидимости подобных потерь для делинквента. В качестве дополнительных аргументов в пользу такой возможности можно сослаться на законодательный опыт отдельных государств.

4.2. Законодательство и судебная практика отдельных стран Европы

Гражданский кодекс Нидерландов⁴³ применительно к нанесению физической травмы возлагает на делинквента обязанность возме-

⁴³ Burgerlijk Wetboek (1838). Available at: URL: <http://www.dutchcivillaw.com/civilcodebook066.htm> (дата обращения: 01.03.2024)

ститущий ущерб потерпевшему, а также расходы, которые понесли третьи лица в интересах потерпевшего, в объеме, в котором сам потерпевший мог бы взыскать такие расходы с ответственного лица (п. 1 ст. 6:107). Кроме того, предусмотрено возмещение убытков работодателю, если его работнику нанесена травма, но в силу закона, индивидуального или коллективного трудового договора работодатель обязан продолжать выплачивать травмированному работнику заработную плату или ее часть (п. 2 ст. 6:107а).

Германское гражданское уложение (BGB)⁴⁴ предусматривает, что в случае противоправного причинения вреда жизни или здоровью потерпевшему компенсируются все неблагоприятные последствия, включая его дополнительные расходы (возросшие потребности) и неполученный доход (§842, 843). Подлежит возмещению и стоимость ухода, который безвозмездно оказывают пострадавшему его близкие. Федеральный суд Германии (далее — BGH) исходит из того, что альтруистическая помощь со стороны членов семьи пострадавшего не освобождает делинквента от ответственности за причиненный вред [Markesinis B. et al., 2005: 155]. В практике BGH был случай, когда истица просила взыскать с врача-гинеколога расходы на лечение ребенка и свой утраченный заработок в связи с ненадлежащим пренатальным исследованием: ребенок имел хромосомные аномалии и родился с многочисленными патологиями, после чего истица прекратила трудовую занятость и сосредоточилась на уходе за ребенком. Федеральный суд отменил судебные акты в части взыскания заработка и указал, что возмещение подобных потерь истицы находится за пределами защитных целей абз. 1 §823 BGB — удовлетворить дополнительные нужды пострадавшего (ребенка) в лечении, уходе и реабилитации. По мнению BGH, экономические потери родителей ребенка-инвалида находятся по большей части в косвенной связи с ошибкой врача, поскольку крайне затруднительно определить, был ли отказ родителя от занятости вынужденным или добровольным решением⁴⁵. Учитывая в целом отрицательное отношение немецкой доктрины к расширению сферы деликтной ответственности, позицию BGH в данном деле можно назвать предсказуемо осторожной.

Положения ФГК 1804 г об основаниях деликтной ответственности лаконичны и в то же время универсальны. Любое действие, включая небрежность, причиняющие вред другому лицу, влечет обя-

⁴⁴ Bürgerliches Gesetzbuch (1900). Available at: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_bgb/ (дата обращения: 01.03.2024)

⁴⁵ См.: BGH, Urteil vom 4. März 1997 — VI ZR 354/95 // NJW 1997. 1638-1640.

занность виновного лица возместить причиненный вред (ст. 1240, 1241⁴⁶). Формально Кодекс не содержит ограничений на объем и природу защищаемых деликтной ответственностью прав и интересов. Понятия юридически значимого вреда в Кодексе нет. Защите подлежат все права и законные интересы. Потерпевшему необходимо лишь доказать, что вред является вполне реальным и состоит в причинной связи с виновным поведением ответчика.

В связи с отсутствием в ФГК специальных положений о возмещении вреда личности соответствующие позиции формируются в доктрине и судебной практике, прежде всего в постановлениях Кассационного суда Франции. При нанесении травмы потерпевшему по общему правилу возмещаются расходы на медицинскую помощь или приравненные к ним, а также утраченный доход, выплачивается компенсация за «боль и страдания» и т.д. [Chartier Y., 1983: 167–175]. В деле *Schmitt v. Laporte* (1992) Суд указал, как оценивать и компенсировать добровольные услуги родственников. Суд пришел к выводу: потерпевшему должен компенсироваться такой уход вне зависимости от того, кем оказаны соответствующие услуги — профессионалом (третьим лицом) или одним из родственников⁴⁷; при этом сумма компенсации может рассчитываться исходя из стоимости профессионально оказываемых услуг по уходу⁴⁸. В более ранних постановлениях Суд подтвердил право супруга и других родственников, осуществляющих уход за пострадавшим, предъявлять делинквенту требование о возмещении стоимости ухода⁴⁹.

В Испании возмещение вреда здоровью осуществляется в соответствии с обновленной шкалой *Varemo*, введенной в действие Законом о реформе системы оценки вреда, причиненного жертвам дорожных происшествий⁵⁰. Данная шкала получила универсальное применение, она предусматривает при травме и последующей инва-

⁴⁶ Ранее ст. 1382 и ст. 1383 соответственно. Нумерация изменена при внесении изменений Законом от 10.02.2016 № 2016-131 (Ordonnance n°2016-131 du 10 février 2016). Обновленный текст кодекса размещен на сайте правительства Франции. Available at: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070721/ (дата обращения: 01.03.2024)

⁴⁷ В данном деле уход за ребенком, пострадавшим в ДТП, осуществляла его мать.

⁴⁸ Cass. civ. 2e, 14 October 1992, 7Bull.civ. 1992.II.119.

⁴⁹ Cass. civ. 2e, 13 December 1978, Bull.civ. 1978.II.208; Cass. civ. 2e, 18 March 1981, Bull.civ. 1981. II. 45.

⁵⁰ Ley 35/2015, de 22 de Septiembre de reforma del sistema para la valoración de los daños y perjuicios causados a las personas en accidentes de circulación. Available at: https://noticias.juridicas.com/base_datos/Privado/559474-1-35-2015-de-22-sep-reforma-del-sistema-para-la-valoracion-de-los-danos.html (дата обращения: 01.03.2024)

лидности возмещение расходов как пострадавшему, так и его близким родственникам [Lopez J., 2015: 68–70]. Верховный суд Испании (Tribunal Supremo) неоднократно признавал за близкими родственниками пострадавшего право на предъявление самостоятельного иска к делинквенту о возмещении материального ущерба и компенсации морального вреда в связи с причинением травмы близкому. В тех случаях, когда серьезная травма требует постоянного ухода за пострадавшим и родственники вынуждены прекратить работу, они вправе требовать возмещения ущерба в размере утраченного дохода (Tribunal Supremo, 5th Senate, 23.02.1988). Как правило, перспективу имеют иски родителей, постоянно ухаживающих за травмированным ребенком [DCFR, 2010: 3099].

В странах континентальной Европы почти повсеместно за супругом и родственниками пострадавшего признается право на компенсацию стоимости ухода на добровольной основе. Однако в отличие от стран общего права подход к расчету компенсации здесь более сдержанный, в качестве потерпевшего рассматривается лишь сам пострадавший.

В случае причинения травмы ребенку его родителей действительно трудно отнести к потерпевшим в традиционном понимании, ибо их физическое здоровье и трудоспособность не пострадали. С другой стороны, они вынуждены ухаживать за ребенком гораздо больше, чем при обычных обстоятельствах. Ежедневный уход за ребенком-инвалидом часто не совместим с продолжением родителями или одним из них прежней трудовой деятельности, что означает потерю заработка или его существенное снижение. Можно провести условную параллель между профессиональной деятельностью и функционированием семьи. Если в первом случае неправомерное вмешательство в дела, т.е. создание препятствий продолжению деятельности, может служить основанием возмещения экономического ущерба⁵¹, почему во втором случае последствия должны быть иными?

Противники расширения возмещения чисто экономического ущерба ссылаются на то, что соответствующие потери большей частью незначительны и не более чем неудобства [Bishop W., 1982: 2–5], поэтому «необходимо с ними смириться и жить дальше, в противном случае, если разрешить подобные иски, им не будет конца»⁵².

⁵¹ См., напр.: § 845 BGB, п. 2 ст. 6:107a Burgerlijk Wetboek.

⁵² Мнение судьи лорда Деннинга в деле *Spartan Steel & Alloys Ltd. v. Martin & Co. Ltd.* (1973). Available at: https://www.oxbridgenotes.co.uk/law_cases/spartan-steel-alloys-v-martin (дата обращения: 01.03.2024)

Подобные опасения вряд ли уместны в отношении исков родителей, круглосуточно ухаживающих за ребенком-инвалидом, особенно при отсутствии или недостаточности социальной поддержки⁵³.

4.3. Перспективы российского права

В части обязательств из причинения вреда личности ГК России содержит сходное с PETL и DCFR регулирование. В статьях 1085 и 1088 ГК определен объем возмещения в случае причинении вреда здоровью и смерти, соответственно. Следует ли рассматривать положения данных статей в качестве императивов, которые ограничивают данный вид деликтных обязательств строго определенными субъектами и перечнем возмещаемых потерь, а также предписывают порядок их возмещения? Отнюдь нет.

Наш ГК, хотя и напоминает структурой и содержанием многие институты немецкого BGB, в части регулирования оснований деликтной ответственности гораздо ближе если не по букве, то по духу к Кодексу Наполеона. Ряд современных цивилистов, хотя далеко не все [Лугманов Р.Р., 2019: 115–153], небезосновательно полагает, что п. 1 ст. 1064 ГК России может быть истолкован по «французской модели», т.е. в качестве принципа генерального деликта [Евстигнеев Э.А., 2017: 45–46]; [Ягельницкий А.А., 2019: 49–59]; [Губаева А.К., 2020: 41]. Верховный Суд России, судя по его недавним постановлениям, также не чужд этой идеи и подчеркивает, что в силу ст. 15 и ст. 1064 ГК защите подлежит любой законный интерес граждан и юридических лиц, связанный как с личностью потерпевшего, так и с его имущественным положением», при условии, что между противоправным поведением и вредом существует прямая причинная связь⁵⁴.

Аргументом в пользу более свободного толкования положений § 2 гл. 59 ГК о возмещении вреда здоровью служит практика Конститу-

⁵³ Показателен следующий пример. Родители ребенка-инвалида обратились с иском к медицинской организации о возмещении расходов на спортивно-оздоровительные услуги. Удовлетворяя иск, суд подчеркнул, что поскольку ребенок нуждается в социальной реабилитации, его родители вправе выбирать любые (!) медицинские и немедицинские услуги, которые могут способствовать улучшению состояния их ребенка. См.: определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 09.09.2021 по делу № 2-38/2021.

⁵⁴ Определение Верховного Суда РФ от 20.09.2022 № 309-ЭС22-3855 по делу № А60-40848/2020. См. также: определение Верховного Суда РФ от 11.05.2018 № 306-ЭС17-18368 по делу № А57-15013/2016 // СПС Консультант Плюс.

ционного Суда России. В постановлении от 25.06.2019 № 25-П по жалобе гр. Ворона было разъяснено, что ст. 1085 и ст. 1087 ГК ни в коей мере не могут толковаться как устанавливающие исчерпывающий перечень потерь (убытков), подлежащих возмещению в случае травмирования гражданина. Такой либеральный настрой в отечественной доктрине и судебной практике позволяет надеяться на возмещение экономических потерь и когда сам истец не пострадал (его здоровье в порядке), однако он вынужден отказаться от продолжения работы полностью или частично, понести экономические потери.

Стандарт доказывания вынужденного характера прекращения трудовой занятости не должен быть высоким. Достаточно, чтобы решение родителя отвечало требованиям разумности и добросовестности. Возможно, критерию причинной связи в данном вопросе следует предпочесть условие в презумптивной форме — о том, что занятый постоянным уходом за ребенком-инвалидом родитель или иной родственник не имеет возможности получать доход⁵⁵.

Не может быть отклонено по одним лишь формальным соображениям требование к делинквенту о возмещении стоимости ухода, оказываемого потерпевшему на безвозмездной основе членами его семьи или друзьями. Если установлена нуждаемость потерпевшего в таком уходе, факт, что за ним ухаживают его близкие, не должен ставить делинквента в более выгодное положение, т.е. уменьшать бремя его ответственности. В подобной ситуации надлежит говорить либо о неосновательном обогащении (в форме сбережения) на стороне делинквента, которое подлежит возврату в силу ст. 1102 ГК⁵⁶, либо о наделении лица, осуществляющего безвозмездный уход за пострадавшим, правом регрессного требования в силу п. 1 ст. 1081 ГК. В пользу последнего варианта высказывались некоторые советские ученые-цивилисты [Малеин Н.С., 1955: 34–35].

⁵⁵ По аналогии с нормой п. 1 ст. 1088 ГК РФ о выплате содержания по случаю потери кормильца одному из родителей, супругу либо другому члену семьи независимо от его трудоспособности, который не работает и занят уходом за находившимися на иждивении умершего его несовершеннолетними детьми, внуками, братьями и сестрами.

⁵⁶ Допустима условная параллель с ситуацией, когда застраховавший свою гражданскую ответственность субъект самостоятельно возмещает вред потерпевшему, после чего обращается к страховщику за компенсацией произведенных затрат. См., например: Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за 1-й квартал 2006 года (утв. 7 и 14. 06. 2006). Ответ на вопрос 24 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 9.

Заключение

Таким образом, даже при имеющемся правовом регулировании (но при условии более свободного толкования судами ст. 15 и ст. 1064 ГК) иски родителей, осуществляющих уход за травмированным ребенком, о компенсации стоимости ухода или возмещении утраченного заработка должны иметь положительную перспективу. Предпосылки удовлетворения подобных исков могут быть следующие:

ребенку требуется постоянный уход, дополнительный в сравнении с тем, который он получал бы от родителей при обычных обстоятельствах;

такой уход не обеспечен полностью или в части государством (например, в форме государственных пособий, социального обслуживания);

родитель способен⁵⁷ и фактически постоянно ухаживает за ребенком;

осуществление такого ухода ограничивает родителя в трудовой или иной приносящей доход деятельности;

ответчиком (медицинской организацией) не доказана возможность обеспечения постороннего ухода за меньшей суммой, чем не полученный родителем заработок.

Приведенный выше перечень условий — ориентир, позволяющий формализовать оценку вынужденного/произвольного прекращения родителями трудовой деятельности. Судом могут быть приняты во внимание и иные обстоятельства жизненной ситуации. Расчет взыскиваемых убытков предпочтительнее производить исходя из суммы утраченного родителем заработка, поскольку для многих видов оказываемой ребенку-инвалиду помощи (ухода) трудно будет подобрать средние рыночные ставки. Кроме того, как отмечено выше, разумный альтруизм родителей не должен быть наказуем.

De lege ferenda следует расширить понятие юридически значимого вреда в случае травмирования гражданина, посредством указания в законе на возмещение убытков лицам, оказывающим пострадавшему необходимый уход на безвозмездной основе. Эти вторичные потерпевшие должны иметь право прямого иска к ответственному за причинение вреда лицу, поскольку другие правовые конструкции (трастовый фонд, личное обязательство пострадавшего перед близкими) не дают гарантий возмещения потерь. Для большей ясности

⁵⁷ С учетом состояния здоровья, образования, личных качеств.

можно дополнить ст. 1085⁵⁸, либо сформулировать позицию в обобщении практики Верховного Суда.

Исходя из статистики детской инвалидности, в том числе связанной с медицинской небрежностью при ведении беременности и родов, целесообразно также подумать над созданием компенсационной (страховой) схемы для соответствующей категории пострадавших. Введение подобной программы, пусть даже с частичным субсидированием из бюджета⁵⁹, обойдется государству дешевле, чем регулярные выплаты в порядке субсидиарной ответственности по искам пациентов и их близких к бюджетным медицинским учреждениям. При этом можно будет рассчитывать на повышение уровня жизни семей с особенными детьми, сокращение количества уголовных и гражданских врачебных дел, восстановление престижа профессии акушера-гинеколога. Успешное функционирование подобных компенсационных программ (Birth-related injury compensation programme) подробно описан в зарубежной литературе [Liang Ch.-M., Leflar R., 2024: 54–60]; [Khadijah M.N., 2016: 29–49].

Список источников

1. Агibalова Е.Н. Деликтные обязательства. Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления, 2021. 264 с.
2. Губаева А.К. Деликтное право России: современные вызовы и перспективы развития // Закон. 2020. № 3. С. 38–48.
3. Егорова М.А., Крылов В.Г., Романов А.К. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве. Учебное пособие. М.: Юстицинформ, 2017. 376 с.
4. Евстигнеев Э.А. Принцип генерального деликта: современное состояние и перспективы применения. Часть первая // Вестник гражданского права. 2017. Том 17. № 4. С. 45–83.
5. Иоффе О.С. Избранные труды. Т. III. Обязательственное право. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 837 с.
6. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (постатейный). Ч. 2. Под ред. А.П. Сергеева. М.: Проспект, 2010. 992 с.
7. Лугманов Р.Р. Деликтное право как средство взыскания чисто экономических убытков // Вестник экономического правосудия РФ. 2019. № 2. С. 115–153.

⁵⁸ Например, дополнить п. 1 ст. 1085 ГК РФ абзацем или предложением следующего содержания: «Если посторонний уход оказывают члены семьи (родственники) потерпевшего, указанные лица вправе требовать от ответственного лица возмещения стоимости ухода или утраченного за время ухода заработка в разумных пределах».

⁵⁹ Основным источником финансирования должны стать страховые взносы медицинских организаций и врачей индивидуальной практики.

8. Малеин Н.С. Возмещение вреда при повреждении здоровья несовершеннолетних. М.: Госюриздат, 1962. 66 с.
9. Малеин Н.С. Возмещение вреда, причиненного личности. М.: Юрид. лит., 1965. 230 с.
10. Фаст И.А. Определение размера морального вреда за «родительский ущерб»: к постановке проблемы // Российский судья. 2020. № 3. С. 50–55.
11. Шевченко Г.Н., Шевченко А.С. Деликтные обязательства в российском гражданском праве: учебное пособие. М.: Статут, 2013. 130 с.
12. Шиминова М.Я. Возмещение вреда, причиненного здоровью. М.: Московский рабочий, 1972. 120 с.
13. Ягельницкий А.А. О тенденциях судебной практики по делам об убытках // Закон. 2019. № 3. С. 47–55.
14. Bishop W. Economic loss in tort. *Oxford Journal of Legal Studies*, 1982, vol. 2, no 1, pp. 1–29.
15. Chartier Y. La reparation du prejudice dans la responsabilite civile. Paris: Dalloz, 1983, 1050 p.
16. Hiroshi Oda. *Japanese Law*. Oxford: University Press, 2009. 474 p.
17. Khadijah M.N., Putery N.J. No-fault Compensation Scheme for Obstetric Injuries: a Viable Alternative? *Malayan Law Journal*, 2016, vol. 3, pp. 29–49.
18. Kotiswaran P. An Ode to Altruism: How Indian Courts Value Unpaid Domestic Work. *Economic & Political Weekly*, 2021, no. 36, pp. 45–52.
19. Larouche P. 'Legally relevant damage' and a priori limits to non-contractual liability in the DCFR (December 1, 2008). TILEC Discussion Paper no. 2008-045. Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1313649> (дата обращения: 01.03.2024)
20. Liang Ch.-M., Leflar R. Taiwan's Medical Injury Law in Action. *Emory International Law Review*, 2024, vol. 38, no. 1, pp. 1–94.
21. Lopez J., Marcos J.I. El Nuevo Baremo de la Ley 35/2015 y su Aplicacion al Ambito Laboral. *RTSS. CEF*, 2015, no. 393, pp. 65–100.
22. Markesinis B. et al. *Compensation for Personal Injury in English, German and Italian Law*. Cambridge: University Press, 2005. 235 p.
23. Mendelson D. Jurisprudential legerdemain: damages for gratuitous services and attendant care. *Journal of Law and Medicine*, 2005, vol. 12, no. 4, pp. 402–412.
24. Sartwelle T.P. et al. Cerebral palsy litigation after fifty years: a hoax on you. *Indian Journal of Medical Ethics*, 2020, vol. 5, no. 4, pp. 295–301.
25. Van Vleet M.W. Birth-Related Injury. In: Elzouki A.Y. et al. (eds). *Textbook of Clinical Pediatrics*. Berlin: Heidelberg, 2012, pp. 159–175.
26. Von Bar C., Clive E. (eds.) *Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law*. Oxford: University Press, 2010, 4795 p.

References

1. Agibalova E.N. (2021) Tort obligations: a guide. Volgograd: University, 264 p. (in Russ.)
2. Bishop W. (1982) Economic loss in tort. *Oxford Journal of Legal Studies*, vol. 2, no. 1, pp. 1–29.
3. Chartier Y. (1983) La reparation du prejudice dans la responsabilite civile. Paris: Dalloz, 1050 p.

4. Commentary to the Civil Code of the Russian Federation (2010) A.P. Sergeev (ed.). Moscow: Prospect, 992 p. (in Russ.)
5. Egorova M.A., Krylov V.G., Romanov A.K. (2017) Tort obligations and tort liability in the English, German and French law: a tutorial. Moscow: Justitcinform, 376 p. (in Russ.)
6. Evstigneev E.A. (2017) General tort principle: modern position and prospects of application. First Part. *Vestnik grazhdanskogo prava*=Civil Law Bulletin, vol. 17, no. 4, pp. 45–83 (in Russ.)
7. Fast I.A. (2020) Determination of the amount of moral harm from “parental damage”. *Rossiiskij sud’ya*=Russian Judge, no. 3, pp. 50–55 (in Russ.)
8. Gubaeva A.K. (2020) The Russian tort law: contemporary challenges and prospects for development. *Zakon*=Law, no. 3, pp. 38–48 (in Russ.)
9. Hiroshi O. (2009) The Japanese Law. Oxford: University Press, 474 p.
10. Ioffe O.S. (2004) Selected works. Vol. III. Law of obligation. Saint Petersburg: Yuridicheski center Press, 837 p. (in Russ.)
11. Khadijah M.N., Putery N.J. (2016) No-fault compensation scheme for obstetric injuries: a viable alternative? *Malayan Law Journal*, vol. 3, pp. 29–49.
12. Kotiswaran P. (2021) An ode to altruism: how Indian courts value unpaid domestic work. *Economic and Political Weekly*, no. 36, pp. 45–52.
13. Larouche P. (2008) ‘Legally relevant damage’ and a priori limits to non-contractual liability in the DCFR. TILEC Discussion Paper no. 2008-045. Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1313649>
14. Liang Ch.-M., Leflar R. (2024) Taiwan’s medical injury law in action. *Emory International Law Review*, vol. 38, no. 1, pp. 1–94.
15. Lopez J., Marcos J.I. (2015) El nuevo baremo de la Ley 35/2015 y su aplicacion al ambito laboral. *RTSS. CEF*, no. 393, pp. 65–100.
16. Lugmanov R.R. (2019) Tort law and recovering economic losses. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya*=Economic Justice Herald, no 2, pp. 115–153 (in Russ.)
17. Markesinis B. et al. (2005) Compensation for personal injury in the English, German and Italian law. Cambridge: University Press, 235 p.
18. Malein N.S. (1962) Compensation for injury to minors. Moscow: Gosyurizdat, 66 p. (in Russ)
19. Malein N.S. (1965) Compensation for personal injury. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 230 p. (in Russ)
20. Mendelson D. (2005) Jurisprudential legerdemain: damages for gratuitous services and attendant care. *Journal of Law and Medicine*, vol. 12, no. 4, pp. 402–412.
21. Principles, definitions and model rules of the European private law (2010) C. von Bar, E. Clive (eds.). Oxford: University Press, 4795 p.
22. Sartwelle T.P. et al. (2020) Cerebral palsy litigation after fifty years: a hoax on you. *Indian Journal of Medical Ethics*, vol. 5, no. 4, pp. 295–301.
23. Shevchenko A.S., Shevchenko G.N. (2013) Tort obligations in the Russian civil law: a guide. Moscow: Statut, 130 p. (in Russ.)
24. Shiminova M.Y. (1972) Compensation for damage to health. Moscow: Moskovski rabochiy, 120 p. (in Russ)
25. Van Vleet M.W. (2012) Birth-related injury. In: Elzouki A.Y. et al. (eds.) Textbook of Clinical Pediatrics. Berlin: Springer, pp. 159–175.

26. Yagelnitskii A.A. (2019) Trends in court practice in cases of compensation for damages. *Zakon=Law*, no. 3, pp. 47–55 (in Russ.)

Информация об авторе:

М.В. Кратенко — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

M.V. Kratenko — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 12.03.2024; одобрена после рецензирования 13.05.2024; принята к публикации 17.06.2024.

The article was submitted to editorial office 12.03.2024; approved after reviewing 13.05.2024; accepted for publication 17.06.2024.